

ПРОПОВЕДНИК "ЖИВОГО ДЕЛА"

Памяти И.А. Гончарова

"Курьер", 1901 г., No 257

В своих "Русских ночах" князь Владимир Одоевский. На заре "сороковых годов", отмечал приближение новой эры русской жизни. Наступает "век смерти поэзии" - горько жаловался он, - общество заражается грубым "материализмом", в душе современного человека гложут благие порывы. Исчезают стремления к ко всему возвышенному и прекрасному, ко всему бескорыстному и благородному; современный человек начинает жить одними узко эгоистическими расчетами, начинает оценивать все с точки зрения выгоды и холодного разума, начинает исповедовать религию "утилитаризма"; он старается "закопать в землю, законопатить хлопчатой бумагой, залить дегтем и салом" все "бесполезные" порывы души; он становится поразительно односторонним; душа его постепенно обращается в машину, в которой много колес и много винтов, но нет ни капли жизни; односторонний материализм - есть смертоносный "яд современного общества и тайная причина всех жалоб, смут и недоразумений".

И мечтатель - идеалист, автор "Русских ночей" с неподдельным ужасом встречал появление на горизонте русской общественной жизни "нового человека" - практического дельца, усвоившего себе привычки и правила поведения западно-европейских промышленников и купцов, сумевшего изгнать совершенно из своего сердца все "бесполезные" чувства и порывы, обратившего в настоящего "человека-машину". Он спешил положить клеймо позора на этого "человека-машину", старался всеми силами возбудить презрение к нему, унижить его, сделать жалким в глазах современников.

Он предсказывал неисчислимые бедствия и даже гибель обществу, если оно окончательно увлечется "человеком-машинной", признает его своим высоким идеалом.

В лице князя Одоевского говорил убежденный представитель романтизма... Но дни романтизма были посчитаны. Предостережения автора "Русских ночей" не произвели желаемого впечатления на общество. Прошло несколько лет с того момента, как они были высказаны: общество не только не думало отвертываться от ненавистного романтикам-мечтателям "нового человека", но только не проникалось чувством ужаса и презрения к эгоистической морали и "грубо-материалистическому мирозерцанию этого "нового человека" - напротив, оно обнаруживало все большую и большую склонность возводить его в свои кумиры.

На страницах самого прогрессивного из существующих тогда журналов появилась повесть, автор которой определенно и решительно становился на сторону "нового человека".

Он выводил в своем произведении сцену прямолинейного утилитариста, англomана-заводчика и бюрократа и на примере этого утилитариста выясняет, какими неопределимыми совершенствами наделены "новые люди", по сравнению с "прекраснодушными" идеалистами. Он старался шаг за шагом опрокинуть все предпосылки романтизма. Он доказывал, что причина "всех недоумений" кроется вовсе не в увлечении односторонним материализмом, а как раз напротив, в особенностях романтического взгляда на жизнь, в преувеличенной оценке значения чувства, которую допускали романтики.

"Как жаль, - говорит он, доказывая свою мысль, - что от фальшивого взгляда на жизнь гибнет много дарований в пустых бесплодных мечтах, в напрасных стремлениях. Самолюбие, мечтательность, преждевременное развитие сердечных склонностей и неподвижность ума, с неизбежным последствием - ленью- вот причина зла".

Он старался показать, какой вред приносят для современного человека восторженные мечты о "вечной" романтической любви, о "вечной" романтической дружбе, о "нечеловечески-величественных" страданиях и подвигах, о "титанических" страстях, о бурном, доступном лишь для избранных судьбы, счастье; он убеждает читателей, насколько призрачны и ненадежны все "неукротимые" порывы к чему-то недостижимо высокому и великому. Взамен разрушенных "иллюзий", он ставил легко осуществимые требования: мечтательности и склонности к созерцательной жизни - он противопоставлял идеал практической деятельности и энергии, романтической любви - идеал расчетливого брака, романтической дружбе - общение с "нужными" людьми, экзальтированному альтруизму и разумный эгоизм, нечеловечески-величественным подвигам - работу на самом прозаическом поприще, - заботы о достижении материальных благ. В итоге получился идеал человека, строго уравновешенного, искусно дисциплинировавшего свою собственную натуру, умеющего с величайшим тактом управлять малейшими душевными движениями, подавившего в себе все "бесполезные" стремления и порывы, прекрасно приспособленного к жизни, одушевленного, неослабленной энергией. С правильностью часового